

ЗАМѢТКИ ВОЕННОГО ТУРИСТА.

I.

Восѣтивъ военный центръ современной Турціи—Константинополь и его окрестности, хочу подѣлиться своими впечатлѣніями, касающимися всего того, что можетъ заинтересовать военного туриста въ Турціи.

Заранѣе извиняюсь за несовсѣмъ послѣдовательное изложеніе своихъ путевыхъ замѣтокъ.

Къ сожалѣнію, немного офицеровъ, даже сосѣдняго съ Турціей нашего военного округа, посѣщаютъ и знакомятся съ этой весьма интересной страной.

Между тѣмъ поѣздка туда не вызываетъ большой затраты ни времени, ни средствъ. Совершенно достаточно двухъ, трехъ недѣль, чтобы побывать и въ Константинополь и проѣхать далѣе въ глубь страны по Багдадской жел. дорогѣ въ Малой Азіи черезъ Никомидію (Исмидь) до Ангоры и по Восточной Румелии черезъ Санъ-Стефано въ Адрианополь. Посѣтивъ хотя бы только выше-названныя мѣста, уже можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о военно-бытовой сторонѣ турецкой арміи какъ европейской, такъ и азіатской, такъ какъ въ нихъ сосредоточена главная часть низама, а именно: I-я инспекція (первые четыре корпуса), расположенная вокругъ Константинополя и Адрианополя, и III-я инспекція (9-й, 10-й, и 11-й корпуса), расположенная въ Малой Азіи.

Времени ѣзды на пароходѣ отъ Севастополя до Константинополя 28 часовъ, а отъ Одессы—около 35 часовъ. Пароходы Русскаго общества приходятъ въ Константинополь днемъ, что даетъ возможность засвѣтло осмотрѣть знаменитый величественный Босфоръ съ его живописными берегами, утопающими въ чудной растительности, съ великолѣпными дачами-дворцами и многочисленными мечетями съ поднимающимися къ небу минаретами.

Послѣ перваго впечатлѣнія отъ красотъ чарующей панорамы Босфора, вниманіе военнаго туриста невольно обращается на то, что должно болѣе всего интересоваться военнаго человѣка, а именно: на военное значеніе пролива, причемъ съ одной стороны—на стратегическую важность его и качество въ морскомъ отношеніи, т. е. на его ширину и глубину (средн. 8—15 саж.), позволяющую большимъ кораблямъ подходить къ самому берегу, (въ родѣ нашего Севастопольскаго рейда) и проч., а съ другой—на полумаскированныя ветхія укрѣпленія Босфора и на ту безопасность, съ которой турки относятся къ укрѣпленію такого важнаго пролива, владѣніе которымъ, помимо неисчислимыхъ выгодъ, даетъ, быть можетъ, еще болѣе важныя преимущества политическія и военныя.

Входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря укрѣпленъ всего тремя открытыми батареями съ 34-мя орудіями системы Круппа, старинныя же укрѣпленія верхняго Босфора, въ числѣ 9-ти каменныхъ фортовъ, охраняются гарнизономъ всего отъ 20-ти до 200 человѣкъ въ каждомъ.

Изъ этого видно, что для занятія верхняго Босфора достаточно незначительныхъ боевыхъ силъ и небольшихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ, и что успѣхъ болѣе всего зависитъ отъ внезапности нападенія. Затрудненіе можетъ встрѣтиться только при высадкѣ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ господствующихъ вѣтровъ, дующихъ въ верхнемъ Босфорѣ, какъ въ трубѣ. Морскія волны съ Чернаго моря входятъ сюда безпрепятственно и ударяются о крутые скалистые берега со страшной силой, поднимающей на нѣсколько сажень массы воды, которая съ шумомъ разсыпается, производя сокрушительный прибой. Въ такихъ случаяхъ сообщеніе судна съ берегомъ невозможно. Въ среднемъ и нижнемъ Босфорѣ, гдѣ европейскій берегъ нѣсколько закрывается высотами азіатскаго, вѣтеръ дѣйствуетъ съ меньшей силой, и сообщеніе съ берегомъ почти круглый годъ можетъ производиться безпрепятственно.

Наблюдая съ палубы парохода: полуразрушенныя старинныя укрѣпленія, кордоны, открытыя съ горжи батареи и каменные форты со старыми чугунными безъ лафетовъ орудіями, не имѣющими никакого боевого значенія, вы все болѣе и болѣе убѣждаетесь, что Босфоръ, въ томъ видѣ, какъ онъ представляется съ палубы парохода, не можетъ считаться крѣпостью въ современномъ значеніи этого слова.

Хотя ѣхавшіе на пароходѣ турки-скотопромышленники и говорили наивно, что на берегахъ Босфора есть еще какія-то новыя закрытыя батареи (невидимыя съ парохода), но едва ли это вѣрно, такъ какъ, во-первыхъ, откуда скотопромышленники могли это знать, а, во-вторыхъ, судя по общей запущенности всѣхъ укрѣпленій, трудно предположить о существованіи новыхъ батарей.

Минуя форты: Фэнэръ, Бурну, Пайрасъ и Кавакъ, расположенные на обоихъ берегахъ Босфора (ширина его здѣсь около 3-хъ верстъ), большую батарею Маджаръ-Табія, Терапію, карантинную станцію, Бейкосскія мели, нѣсколько маяковъ и небольшихъ спасательныхъ станцій, вы попадаете въ длинный изгибъ Босфора, который очерчиваетъ самый живописный во всемъ Босфорѣ обширный и глубоко-вдающійся заливъ Бейкосъ. Рядомъ съ нимъ раскинулось того же названія селеніе, въ которомъ видны большія казармы и казенный кожевенный заводъ, изготовляющій для войскъ аммуницію, сбрую и обувь.

Весь берегъ Бейкоса, окаймленный не крутыми скатами, занятъ садами и зданіями, между которыми выдается дворецъ бывшаго султана на мысѣ Хюнляръ-Искалеси, обрамленномъ прекрасной набережной, а за нею амфитеатромъ садовъ.

Плывя далѣе по Босфору къ Константинополю, открываются все новыя и новыя уже пригородныя турецкія, греческія и армянскія селенія, соединенныя непрерывной полосой садовъ и зданій, и, наконецъ, черезъ негустую завѣсу пароходнаго дыма вы видите по обѣ стороны Босфора самый Константинополь (по-турецки Истамбуль, по-славянски Царьградъ, а въ древности Византія)—главный городъ Турціи, мѣстопребываніе султана и высшихъ государственныхъ и военныхъ учреждений.

Древнѣйшая часть города находится на полуостровѣ, омываемомъ: съ юга Мраморнымъ моремъ, съ востока Босфоромъ и съ сѣвера широкимъ заливомъ Золотой Рогъ; лишь съ запада она ограничивается землянымъ валомъ (6 верстъ протяженія) старой постройки еще временъ Константина Великаго—Римскаго импе-

ратора; послѣдній перенесъ сюда (въ Византію) свою столицу изъ Рима, почему она и стала съ этого времени въ честь его называться Константинополемъ.

Подобно Риму, Константинополь построенъ на семи холмахъ, изъ которыхъ шесть на берегу Золотого Рога, а седьмой—на берегу Мраморнаго моря и занятъ знаменитымъ въ исторіи семи-башеннымъ замкомъ или Іеди-Куле (нынѣ тюрьма).

Наиболѣе удобный путь къ этому замку желѣзной дорогой. Въ Константинополѣ вы садитесь на европейскомъ вокзалѣ въ Адрианопольскій поѣздъ и, проѣхавъ двѣ станціи, прибываете, приблизительно черезъ двадцать минутъ, на станцію того же наименованія, что и замокъ, до котораго отъ станціи всего минутъ 15 ходьбы.

Замокъ интересенъ по своей старинѣ и историческимъ фактамъ, касающимся насъ: въ послѣднюю Русско-турецкую войну тамъ былъ замученъ въ ямѣ не одинъ десятокъ нашихъ плѣнныхъ, а передъ тѣмъ, по словамъ сопровождавшихъ русскихъ монаховъ, здѣсь же былъ убитъ нашъ русскій посланникъ или консуль; фамиліи и кто именно узнать не удалось; быть можетъ это и легенда.

Въ томъ же замкѣ при султанѣ Махмудѣ II въ 1826 году было брошено въ яму, замучено и истреблено разными способами болѣе тысячи янычаръ.

Замокъ поражаетъ своей некультурной дикостью, мрачностью, темнотой, грязью, удушливостью отъ недостатка свѣжаго воздуха и своей тюремной неблагоустроенностью. Въ описываемое время въ тюрьмѣ находилось около ста заключенныхъ, но, по словамъ проводника, обыкновенно ихъ тамъ бываетъ значительно больше; особенно много бывало при прежнемъ низложенномъ султанѣ.

По той же Адрианопольской ж. дорогѣ, черезъ два полустанка отъ вышеупомянутаго Іеди-Куле (въ разстояніи минутъ 40 отъ Константинополя), на берегу Мраморнаго моря, находится городокъ Санъ-Стефано, извѣстный въ исторіи, какъ мѣсто послѣдней стоянки нашей побѣдоносной арміи у стѣнъ Константинополя, въ которомъ 19-го февраля 1878 года былъ заключенъ предварительный миръ и продиктованъ нами Санъ-Стефанскій договоръ (впослѣдствіи подвергнувшійся пересмотру и измѣненію на Берлинскомъ конгрессѣ).

Неподалеку отъ городка С.-Стефано есть одинъ историческій памятникъ, который много говоритъ сердцу русскаго человѣка и военнаго въ особенности. Это храмъ, воздвигнутый въ 1898 году

въ память русскихъ воиновъ, павшихъ за предѣлами родины въ Русско-турецкую войну 1877—78 г.г. Храмъ-памятникъ этотъ находится верстахъ въ 3-хъ отъ С.-Стефано у проѣзжей шоссе-ной дороги, ведущей изъ провинціи въ Константинополь. На много верстъ кругомъ видна его высокая колокольня въ видѣ легкой сквозной башни и его золоченый куполь. Виденъ онъ хорошо также и съ Мраморнаго моря пассажирами проходящихъ здѣсь пароходовъ различныхъ націй.

На большой мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну у входа въ храмъ, вы читаете слѣдующую надпись: «Доблестнымъ воинамъ Россійской арміи, за Вѣру, Царя и Отечество въ Русско-турецкую войну 1877 — 78 г.г. на полѣ брани смертію вѣнчавшимся».

Всю площадь подъ сводами храма занимаетъ большой склепъ, въ которомъ покоятся останки русскихъ воиновъ, перенесенные сюда изъ многихъ могилъ, разбросанныхъ ранѣ повсюду между Адрианополемъ и Константинополемъ. Надъ лѣстницей, ведущей въ склепъ, сдѣлана слѣдующая надпись: «Души ихъ во благихъ водворятся. Дѣянія ихъ повѣдятъ языцы, и похвалу ихъ исповѣсть Церковь». Въ стѣны склепа-усыпальницы вдѣлано много надгробныхъ плитъ, перенесенныхъ сюда съ первоначальныхъ мѣстъ погребенія, а также сдѣланныхъ вновь при построении храма. На этихъ плитахъ вы читаете большею частію фамиліи и званія лицъ, служившихъ въ гвардіи и въ частяхъ отряда генерала Радецкаго, дошедшихъ почти до самаго Санъ-Стефано или остановленныхъ въ Евренджикъ, Чорлу, Чаталджѣ, Киркъ-Килиссѣ и Визѣ. Есть нѣсколько плитъ съ братскихъ могилъ, въ которыхъ погребали сразу по нѣсколько десятковъ и даже сотенъ человекъ, убитыхъ въ одномъ сраженіи.

По наружному виду зданіе храма состоитъ изъ трехъ круглыхъ террасъ; на верхней террасѣ помѣщена колокольня, а въ основаніи ея — часовня. Для сообщенія между террасами, по обѣимъ сторонамъ храма идутъ гранитныя широкія лѣстницы.

Съ верхней террасы открывается чудный видъ на Мраморное море и на селенія, раскинувшіяся по берегамъ его, а вдали виднѣются покрытые голубоватой дымкой минареты многочисленныхъ мечетей Константинополя и сѣрыя массы его зданій.

Внутренній видъ храма по красотѣ и изяществу не уступаетъ наружному. Церковь, хотя и не велика, по является въ своемъ родѣ художественнымъ совершенствомъ.

Главное ея украшеніе составляютъ иконостасъ каррарскаго мрамора, запрестольный образъ, написанный красками на стеклѣ, и стѣнная живопись, представляющая по большей части копіи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Картины по своему характеру рѣзко отличаются отъ обычныхъ. Онѣ написаны въ темно-сѣромъ тонѣ, безъ цвѣтныхъ красокъ, чѣмъ производятъ впечатлѣніе тонко исполненныхъ гравюръ.

По словамъ живущихъ при храмѣ лицъ, всѣ посѣщающіе его какъ русскіе паломники, такъ особенно иностранцы, знатоки и цѣнители искусства, восторгаются больше всего его живописью.

Художественная красота храма засвидѣтельствована многими туристами въ имѣющейся при храмѣ книгѣ для посѣтителей. Напримѣръ, на одной изъ первыхъ страницъ большими буквами написано по-французски: «Je ne me fatiguerai jamais d'admirer ce joli et gracieux monument». (Я никогда не устану удивляться красотѣ и изяществу этого памятника). А одинъ туристъ-поэтъ помѣстил даже слѣдующее двустишіе:

„Ceux, qui pieusement sont morts pour la patrie,
Ont droit qu'à leurs tombeaux la foule vienne et prie“.

(Тѣ, кто умеръ доблестной смертью за отечество, заслуживаютъ, чтобы на ихъ могилы приходилъ толпою народъ и молился за нихъ).

Лицамъ, посѣщающимъ Константинополь, прямо грѣшно не затратить нѣсколько часовъ для поѣздки въ Санъ-Стефано и обозрѣнія его храма-памятника, тѣмъ болѣе, что и помимо памятника самъ городокъ со своими живописными окрестностями представляетъ много интереснаго.

Большинство жителей С.-Стефано греки и турки, занимающіеся садоводствомъ, рыболовствомъ и земледѣліемъ, а первые изъ нихъ, кромѣ того, отчасти и мелкой торговлей, запрашивая, такъ же какъ и въ Константинополѣ, за все втридорога и являясь достойными конкурентами евреевъ. Число жителей составляетъ 4.500 душъ обоого пола, причемъ всѣ они отличаются достаткомъ, имѣютъ хорошіе дома и благоустроенное хозяйство. Въ центрѣ города находятся двѣ средней руки гостинницы: Grand-Hôtel и Hôtel du Nord;

первая изъ нихъ существовала еще во время войны 1877—78 гг. и помѣщала въ себѣ штабъ 8-го корпуса и много пріѣзжихъ офицеровъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей города, кромѣ двухъ греческихъ церквей и трехъ старинныхъ мечетей, много интересныхъ старыхъ домовъ. Еще и теперь старики показываютъ домъ, гдѣ помѣщалась главная квартира, гдѣ останавливался при пріѣздѣ въ С.-Стефано Августѣйшій главнокомандующій, дома на берегу Мраморнаго моря, гдѣ жили начальникъ полевого штаба, генераль-адъютантъ Непокойчицкій, его помощникъ, генераль Левицкій, генералы Радецкій, Скобелевъ и проч.

Турецкихъ войскъ въ С.-Стефано нѣтъ; сюда приходятъ только на лѣто нѣкоторыя пѣхотныя части изъ Константинополя, для практическихъ стрѣльбъ и саперныхъ работъ, и стоятъ неподалеку отъ города небольшимъ лагеремъ. Лагерь, конечно, временный, неблагоустроенный; палатки по формѣ — что-то среднее между нашими лагерными и походными.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ С.-Стефанскимъ памятникомъ расположено небольшое греческое селеніе Галатрія, въ которомъ недавно открыта первая въ округѣ греко-русская школа для дѣтей. Школа интересна своимъ методомъ обученія: все дѣлается по командамъ или по особымъ условнымъ знакамъ, придающимъ всему строю механической характеръ. Предметы обученія: русскій и греческій языки (чтеніе, письмо и грамматика), ариѳметика, географія, катехизисъ и молитвы. Въ школѣ также учатъ пѣнію по-славянски, чтобы изъ учащихся дѣтей подготовить современемъ достаточное число знающихъ русскій языкъ пѣвчихъ для церковнаго хора храма-памятника.

Недалеко отъ школы стоитъ большая больница для христіанъ; въ ней живетъ русскій докторъ, а фельдшера и сторожа большею частію черногорцы, всѣ въ національныхъ черногорскихъ костюмахъ, такъ же какъ и церковный сторожъ храма-памятника. Послѣдній уже семидесятилѣтній старикъ, но прекрасно помнитъ и рассказываетъ событія 1877—78 г.г. и относится съ особымъ благожелательствомъ къ русскимъ.

Заканчивая на этомъ описаніе С.-Стефано, не могу не выразить пожеланія, чтобы русскіе туристы, особенно изъ военныхъ, не позабыли посѣтить этотъ историческій живописный городокъ, когда имъ случится быть въ Константинополѣ.

II.

Для интересующихся провинціальною жизнью Турціи, проще и удобнѣ всего проѣхать въ глубь страны на Балканскій полуостровъ по Адрианопольской желѣзной дорогѣ. Отъ Константинополя до Адрианополя считается: по грунтовой дорогѣ—около 200, а по желѣзной—около 250 верстѣ. Грунтовыхъ дорогъ—двѣ. Одна изъ нихъ, идущая по берегу Мраморнаго моря къ селу Чорлу, хотя и славится весьма красивыми видами на море, но очень грязна и неблагоустроена: грунтъ дороги большею частію глинистый или каменистый, неразработанный, а ширина дороги не болѣе 2—3 саженьей. Другая дорога, идущая на Странджу и Визу, проходитъ черезъ дикія и трудно доступныя горы Странджи, составляющія отдѣльную систему южно-балканскихъ отроговъ главнаго хребта и тянущіяся вдоль западнаго берега Чернаго моря; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по этой дорогѣ, въ особенности при перевалѣ черезъ водораздѣльную линію, приходится бороться съ весьма крутыми спусками и подъемами. Итакъ, для удобства и для выигрыша времени, проще всего поѣхать по желѣзной дорогѣ.

Отъ столицы до Адрианополя на обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ всего семь съ небольшимъ часовъ ѣзды. Расписаніе поѣздовъ очень удобно. Въ Константинополѣ вы садитесь въ поѣздъ, отходящій въ 8-мъ часу утра, и около 3-хъ дня прибываете въ Адрианополь, гдѣ до вечера успѣете осмотрѣть всѣ достопримѣчательности города.

Турецкіе поѣзда оставляютъ желать много лучшаго. Здѣсь вы уже не найдете тѣхъ удобствъ, которыя вамъ предоставляютъ поѣзда русскіе. Вагоны низкіе, на подобіе австрійскихъ, но маленькіе, тѣсные, безъ всякихъ удобствъ и даже безъ уборныхъ. При большомъ количествѣ ѣдущей публики въ нихъ страшная духота. Поѣзда малоустойчивы, сцепленіе вагоновъ и рессоры слабыя, вслѣдствіе чего вагоны раскачиваются и трясутъ. Скамьи и диваны маленькіе, на подобіе дачныхъ; о томъ, чтобы на нихъ прилечь отдохнуть, нечего и думать.

Единственная положительная сторона турецкихъ желѣзныхъ дорогъ это сравнительно большой порядокъ; не знаю, можетъ

быть это такъ кажется только съ внѣшней стороны, но такого безпорядка и той суетливости и безалаберности, которые парятъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, тамъ нѣтъ. На вокзалахъ тишина, спокойствіе и порядокъ; публика входитъ на платформы въ однѣ двери, а выходитъ другими. Вагоны чисты; въ 1-мъ и 2-мъ классахъ отдѣльныя помѣщенія для дамъ, съ надписью по-французски и по-турецки «гаремъ». Всюду наклеены объявленія и правила, которыя не существуютъ только для декораціи стѣнъ, какъ у насъ, гдѣ ихъ, какъ извѣстно, почти никто не исполняетъ, а дѣйствительно всѣми соблюдаются строго, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, сейчасъ же подойдетъ агентъ (кондукторъ) и вѣжливо, отдавши честь, замѣтитъ вамъ. Кондуктора вообще производятъ впечатлѣніе людей много интеллигентнѣе нашихъ. Всѣ они чистенько одѣты, подтянуты, замѣчательно вѣжливы, обязательно всѣ говорятъ по-французски и могутъ вамъ рассказать много интереснаго.

Возвращаюсь къ поѣздкѣ въ Адрианополь. На 15-й верстѣ отъ С.-Стефано къ Адрианополю дорога дѣлаетъ большой подъемъ, послѣ котораго продолжаетъ все время медленно подниматься по юго-восточному хребту горъ Странджи. Съ нѣкоторыхъ болѣе высокихъ мѣстъ можно въ бинокль различить берега обоихъ морей: на югѣ — Мраморнаго и на сѣверѣ — Чернаго.

Изъ интересныхъ станцій и селеній по Адрианопольской дорогѣ можно отмѣтить: Чатаджу, Черкеской, Чорлу, Люли-Бургасъ и Демотику; всѣ эти названія извѣстны изъ военной исторіи послѣдней нашей войны съ турками, а, именно, всѣ они тѣсно связаны съ воспоминаемъ о наступленіи нашего передового корпуса генерала Радецкаго (8-го армейскаго) въ январѣ и февралѣ 1878 года.

Станція Чатаджа находится верстахъ въ 60-ти отъ Константинополя, а городъ того же имени — въ 2-хъ верстахъ отъ станціи.

Городъ замкнутъ въ горахъ и не представляетъ изъ себя ничего особенно интереснаго, опять-таки кромѣ нѣкоторыхъ домовъ, оставшихся въ памяти у жителей, гдѣ помѣщались штабы, офицеры, а также временные и полевые лазареты съ ранеными и особенно съ больными отъ сильно свирѣпствовавшего тогда тифа, который поражалъ своею скоротечностью со смертельнымъ исходомъ. Еще и теперъ греки-старожилы рассказываютъ, что, при приближеніи русскихъ войскъ, все мусульманское населеніе Чатаджи поки-

дало свои дома и бѣжало въ глубь страны, по направленію къ Константинополю. Это всеобщее бѣгство, не вызванное тогда со стороны нашихъ войскъ никакими обстоятельствами, которыя могли бы вселить страхъ у жителей за ихъ жизнь и имущество, объясняется въ исторіи распоряженіемъ главнокомандующаго турецкою арміею Сулеймана-паши, что и послужило однимъ изъ пунктовъ обвиненія Сулеймана, преданнаго, какъ извѣстно, въ послѣдствіи военному суду за его дѣйствія во время кампаніи.

Покидая свои дома, турки не могли, конечно, забрать съ собой все свое имущество, въ особенности не могли захватить рогатый скотъ, котораго нечѣмъ было кормить. Въ слѣдствіе сего, не желая, чтобы скотъ достался русскимъ или болгарамъ, турки убивали его на мѣстѣ и сдирали съ быковъ кожи, которыя увозили съ собою; скальпированныя же туши складывали въ одну общую кучу на площадяхъ или въ полѣ. Можно себѣ представить какую заразу распространяли эти кучи убитаго скота! Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что, со вступленіемъ нашихъ войскъ въ южную часть Восточной Румелии, между ними вскорѣ появился тифъ, принявшій весною колоссальныя размѣры. Но не только трупы животныхъ заражали воздухъ, также и разлагающіеся трупы убитыхъ и умершихъ отъ истощенія и голода людей, валявшіеся по дорогамъ и брошенные турками на произволъ судьбы безъ погребенія, не мало содѣйствовали распространенію тифозныхъ заболѣваній среди нашихъ войскъ.

Неподалеку отъ станціи Чаталджи находится старинная деревянная греческая церковь, въ которой въ пасхальную ночь 1878 г., въ присутствіи генераловъ Скобелева и Радецкаго и офицеровъ 8-го корпуса, была отслужена свѣтлая заутреня; рядомъ съ часовней показываютъ большой домъ, гдѣ тогда помѣщался ресторанъ, нарочно вызванный по приказанію генерала Скобелева изъ Константинополя, чтобы дать возможность офицерамъ получать порядочный столъ; этотъ ресторанъ, по заключеніи мира, обратился въ кафе-шантанъ, который непрерывно посѣщался скучающими офицерами. Теперь это зданіе представляетъ изъ себя конакъ (зданіе городской полиціи).

Народонаселеніе города Чаталджи смѣшанное: больше всего турокъ, затѣмъ грековъ и болгаръ, а также нѣсколько сотъ евреевъ.

Верстахъ въ 50-ти отъ Чаталджи по Адрианопольской желѣзной дорогѣ находится одинъ изъ лучшихъ городковъ Восточной Румелии—Черкескiой. Это названiе города собственно турецкое; болгары и греки называютъ его немного иначе, производя названiе отъ слова «лозы», что по-болгарски означаетъ виноградники, разведенiе которыхъ и винодѣлiе уже издревле составляли главное занятiе жителей Черкескiоя, населеннаго, главнымъ образомъ, болгарами и греками. По счастливой случайности турки, при своемъ отступленii и бѣгствѣ къ Константинополю, подъ напiскомъ наступавшихъ русскихъ войскъ въ январѣ 1878 года, пощадили Черкескiой. Жители рассказывали, что во время всеобщаго бѣгства турецкiй генераль Мехметъ-Али-паша вздумалъ удержаться въ Черкескiоѣ, но, узнавъ о паденii Адрианополя, тотчасъ же ускакалъ въ каретѣ, приказавъ войскамъ продолжать отступленiе.

Черкескiой расположенъ на чрезвычайно красивой и здоровой мѣстности близъ небольшой рѣки Беюкъ-дере. Къ сѣверу и востоку за городомъ начинаются невысокiя скалистыя горы, а къ югу и западу мѣстность понижается и вскорѣ становится совершенно ровною. Городокъ расположенъ на двухъ холмахъ амфитеатромъ съ цвѣтущими садами, изъ которыхъ горделиво высятся темно-зеленые мирты, перемежаясь съ бѣлѣющими минаретами. Городокъ вообще очень чистенькiй, но сталь, говорятъ, такимъ только послѣ введенiя въ Турцiи новаго строя, когда было учреждено правильное гражданское и полицейское управленiе. Мѣры, принятыя къ очисткѣ и благоустройству города, отозвались благодѣтельно на санитарномъ его состоянii, что особенно было важно въ виду того, что въ городѣ насчитывается болѣе 3000 домовъ. Несмотря на свое разноплеменное населенiе, Черкескiой былъ городъ несомнѣнно болгарскiй, и, если греки утверждали противное, то только въ виду ихъ враждебнаго отношенiя къ болгарамъ и желанiя сохранить за собою преобладающее значенiе, которое могло утратиться при включенii Черкескiоя въ новыя границы южной Болгарiи, въ случаѣ вытѣсненiя Турцiи совсѣмъ съ Европейскаго материка.

Верстахъ въ ста отъ Константинополя желѣзная дорога, ранѣе все время шедшая на сѣверо-западъ, теперь, минуя Черкескiой, сворачиваетъ на юго-западъ и въ этомъ направленii идетъ до города Чорлу, живописно расположеннаго по обѣимъ сторонамъ рѣки

Эргене, протекающей въ глубокой долинь съ цвѣтущими садами и виноградниками.

Городъ Чорлу носить слѣды когда-то бывшихъ пожаровъ и разрушеній. Кривыя узкія улицы въ городѣ переплелись лабиринтомъ; въ иныхъ частяхъ города онѣ такъ узки, что по нимъ ходятъ только пѣшеходы или пробираются верхомъ на ослахъ. Вы поднимаете голову вверхъ, и голубое небо только узенькою полоскою тянется надъ верхушками высокихъ домиковъ; эти деревянные маленькіе домики, подобно гнѣздамъ, прицѣпившимся къ скаламъ, громоздятся амфитеатромъ по сторонамъ грязныхъ улицъ. Маленькія рѣшетчатые окна разнообразно и неправильно выглядываютъ на улицу; все это вѣками громоздилось и лѣпилось другъ на другъ и перемѣшалось въ тысячу разнообразнѣйшихъ и гнѣздоподобныхъ человѣческихъ жилищъ, придающихъ городу тотъ оригинальный восточный характеръ, который такъ сильно дѣйствуетъ на европейца. Вообще этотъ городъ произвелъ на меня довольно удручающее впечатлѣніе; онъ бѣденъ и населенъ преимущественно турками, занимающимися садоводствомъ, рыболовствомъ и винодѣліемъ.

Въ городѣ Чорлу, несмотря на его малые размѣры, стоитъ сравнительно большой турецкій гарнизонъ, а именно вся 8-я дивизія (3-го корпуса), разбросанная по разнымъ мѣстамъ города въ небольшихъ и, по всей вѣроятности, весьма тѣсныхъ казармахъ.

Отъ Чорлу дорога поворачиваетъ опять на сѣверо-западъ и идетъ по живописной долинь рѣки Эргене къ болгаро-турецкому городу Люли-Бургасу. Городъ этотъ небольшой, довольно грязный, съ восточнымъ характеромъ; жителей въ немъ насчитывается до семи тысячъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ евреевъ. Какъ разъ въ день моего пріѣзда въ городъ, жители его праздновали имя какого-то святого, и, по случаю ярмарки, здѣсь господствовала кипучая дѣятельность, былъ невообразимый шумъ и беспорядокъ.

У дверей безчисленныхъ еврейскихъ харчевенъ, имѣвшихъ претензію на нѣкоторый комфортъ, съ громкими вывѣсками, толпились массы самаго разнообразнаго люда; все это ѣло, пило, кричало и ругалось. Каждый свободный дворъ, площадка, все было заставлено или разносчиками съ лотками или столиками, или кибитками и безконечною вереницею телѣгъ съ сѣномъ, зерномъ,

зеленю, овощами, рыбой и проч. Въ воздухѣ стоялъ какой-то неопредѣленный шумъ пѣсенъ и завываніе восточныхъ инструментовъ; очевидно народъ уже присмотрѣлся къ диковинкамъ пріѣзжихъ купцовъ и обратилъ свое исключительное вниманіе на увеселительныя мѣста, гдѣ дышется легче и гдѣ можно пѣть и кричать во всю широкую грудь.

Особенно интересныхъ историческихъ достопримѣчательностей въ Люли-Бургасѣ не оказалось, почему я, не останавливаясь тамъ долго, прослѣдовалъ далѣе къ Адрианополю.

Дорога въ Люли-Бургасъ идетъ сначала на западъ параллельно теченію рѣки Эргене (западнаго притока Марицы) до греко-турецкаго городка Демотики. Не доходя до послѣдняго, она пересѣкаетъ воспѣтую въ болгарскихъ и нашихъ военныхъ пѣсняхъ историческую рѣку Марицу, унесшую въ архипелагъ въ своихъ водахъ много славянской крови.

Отъ Демотики отдѣляется желѣзнодорожная вѣтвь, идущая къ пристани Деде-Агачъ (или по-гречески Макри) на Эгейскомъ морѣ.

Во время моего проѣзда, эта вѣтвь почти не эксплуатировалась, вслѣдствіе того, что большая часть подвижнаго состава была увезена на другія линіи, для перевозки турецкихъ войскъ къ черногорской границѣ на театръ военныхъ дѣйствій съ албанцами. Отъ Демотики дорога сворачиваетъ на сѣверъ и, наконецъ, верстъ примѣрно черезъ 40, доходитъ до самого Адрианополя.

Адрианополь расположенъ въ красивой и плодородной долинѣ и состоитъ изъ цѣлаго лабиринта кривыхъ, грязныхъ и дурно мощенныхъ улицъ и переулковъ, не отличаясь въ этомъ отношеніи вообще отъ другихъ турецкихъ городовъ. Изъ сооруженій особенно замѣчательны: мечеть султана Селима II; замокъ Эски-Сарай, гдѣ помѣщался великій князь Николай Николаевичъ старшій, главнокомандующій нашей арміей въ 1877 — 78 г.г. и гдѣ въ 1829 году былъ подписанъ графомъ Дибичемъ — Забалканскимъ Адрианопольскій миръ; военныя казармы, арсеналь, христіанская церковь (болгарская) и каменный мостъ черезъ рѣку Тунджу.

Несмотря на то, что Адрианополь составляетъ центръ фракійской торговли, расположенъ въ узлѣ первостепенныхъ сухопутныхъ сообщеній и соединенъ желѣзной дорогой съ Софіей и Кон-

стантинополемъ, промышленность города весьма незначительна: изъ фабрикъ существуютъ только мельницы и шелковыя прядильни. Главное занятіе жителей составляютъ мелкая торговля и разведеніе виноградниковъ, почему винодѣліе въ Адрианополѣ всегда процвѣтало.

И. Мельницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

